

УДК 070:93/94 (571.1)
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-78-89

Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете»

А. Е. Мазуров

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

Огромную роль в формировании поэтики фельетонов Ф. В. Волховского играют «литературные маски», которые обозначены разными псевдонимами, имеют характерные черты биографии, личные качества. Работа Ф. В. Волховского с образами фельетонистов лучше всего проявляется в образе Ивана Брута. Именно в фельетонах Иван Брут в «Сибирской газете» проявляется диалогичность, ранее не свойственная автору, а также еще глубже раскрывается многоплановость его сатиры. В данной статье будет рассмотрено значение образа фельетониста в материалах Ф. В. Волховского на примере рассказчика Ивана Брута (1883–1888).

Ключевые слова

«Сибирская газета», фельетоны, Иван Брут, Ф. В. Волховский

Для цитирования

Мазуров А. Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 78–89. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-78-89

Feuilletons by F. V. Volkhovsky (Ivan Brut) in the “Siberian newspaper”

A. E. Mazurov

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

F. V. Volkhovsky lived in Tomsk since 1881. Almost immediately he began to actively cooperate with the “Siberian newspaper” and eventually became its leading feuilletonist. During his work, Volkhovsky published 89 feuilletons on its pages, more than half of the edition’s feuilletons.

A huge role in the formation of the poetics of feuilletons by F. V. Volkhovsky is played by “literary masks” with characteristic features of his biography and personal qualities. The work of F. V. Volkhovsky with the images of feuilletonists is best manifested in the image of Ivan Brut. It is in the feuilletons of Ivan Brut that the dialogicity is manifested, which was not pre-

© А. Е. Мазуров, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

viously characteristic of the author, and also the diversity of satire is revealed even deeper – in the materials there are many characters with whom the feuilletonist discusses the phenomena of social life. Ivan Brut is the most frequent image of the feuilletonist used by F. V. Volkhovsky – 22 feuilletons have been written under this pseudonym.

The purpose of this study is to clarify the features and meaning of the feuilletonist's image in the materials of F. V. Volkhovsky on the example of the narrator Ivan Brut (1883–1888).

As a result of the research, the author comes to the conclusion that Ivan Brut was perhaps the brightest character in the artistic and journalistic history of the first private newspaper in Western Siberia. This is the only full-fledged and thoughtful image of the feuilletonist – with his pedigree, biography and position, on many issues (in view of the democratization of the image) different from the author's. Thus, Ivan Brut becomes not just a pseudonym, but a full-fledged co-author who constantly refers the reader to the same artistic images and thoughts. Despite a similar populist position with the author, Ivan Brut was able to “separate” from his personality and become a separate figure and a full-fledged member of the editorial board.

The tradition of creating “literary masks” of feuilletonists was continued in the Tomsk newspaper “Sibirskaya Zhizn” (1894–1919), which to some extent was the “heir” of the “Sibirskaya Gazeta”. This technique expanded the satirical possibilities of feuilletonists, made it possible to involve readers in the literary game, and thereby increased interest in public problems that were discussed in the feuilletons. The image of Ivan Brut created by Volkhovsky in this respect turned out to be a kind of “reference point” for all subsequent generations of Tomsk feuilletonists of the 19th – early 20th centuries.

Keywords

“Sibirskaya Gazeta”, feuilletonists, Ivan Brut, F. V. Volkhovsky

For citation

Mazurov A. E. Feuilletons by F. V. Volkhovsky (Ivan Brut) in the “Siberian newspaper”. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 78–89. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-78-89

В XIX в. писателями-сибиряками нередко становились «невольные жители Сибири» – политические и уголовные ссыльные, многие из которых активно включались в общественную и литературную жизнь их временной «малой родины». Одним из них был революционер-народник Ф. В. Волховский, который попал в Сибирь в 1878 г. за «хождение в народ». В 1881 г. Волховскому удалось переехать на постоянное место жительства в Томск, где он практически сразу же начал сотрудничать с первой частной газетой Томска и первой крупной частной газетой Западной Сибири – «Сибирской газетой».

«Сибирская газета» выходила в Томске в 1881–1888 гг. Она отличалась своим оппозиционным характером, информационной насыщенностью, а также «литературоцентричностью», т. е. особым вниманием к вопросам литературы и культуры, высоким качеством журналистских текстов и художественных произведений. В газете публиковались К. М. Станюкович, Н. И. Наумов, Г. И. Успенский и другие известные русские писатели. За все время существования издания в нем было опубликовано 355 материалов, которые можно отнести к литературным или художественно-публицистическим жанрам (стихотворения, очерки, рассказы и др.). Почти половина из этих публикаций – фельетоны, и большая часть из них, 89 текстов, было создано Ф. В. Волховским.

Огромную роль в формировании поэтики фельетонов Ф. В. Волховского играли «литературные маски», которые были «привязаны» к разным псевдонимам

фельетониста, причем часть из них имели собственную биографию, отличались от других определенными личностными качествами. На страницах «Сибирской газеты» можно встретить следующие псевдонимы публициста: «В тиши расцветший василек», «Фома», «Иван Брут», «Я. Ачинский», «Дядя Федул», «Консерватор», «Простой смертный». В каждом из них автор менялся вместе с рассказчиком, откликался на рассказанные события в соответствии с мировоззрением своей «литературной маски» очередным образом фельетониста.

Работа Ф. В. Волховского с образами фельетонистов лучше всего проявлялась в Иване Бруте. Это наиболее частый образ фельетониста, который использовал Ф. В. Волховский, всего под этим псевдонимом было написано 22 фельетона.

Характерной чертой фельетонов, подписанных псевдонимом «Иван Брут», была диалогичность, ранее не свойственная автору, в них еще глубже раскрывалась многоплановость его сатиры – в материалах было много персонажей, с которыми фельетонист спорит, обсуждает явления общественной жизни. Персонажи в материалах непосредственно влияли на развитие образа фельетониста.

Цель статьи – выяснение особенностей и значения образа фельетониста в материалах Ф. В. Волховского на примере рассказчика Ивана Брута (1883–1888). Основными методами исследования являются жанровый, мотивный анализы, биографический и нарративный методы.

Исследователи довольно часто обращались к анализу фельетонов Волховского [Жилиякова, 2002, с. 170–189; Рощевская, 1975, с. 86; Доманский, 1996]. В своих работах они, однако, не предпринимали анализ образа фельетониста, не изучали влияние фигуры рассказчика на поэтику самих фельетонов.

Несмотря на то что все семь образов, предлагаемых читателю Волховским, отличаются друг от друга в той или иной степени, больше всего непохожими на автора являются фельетонисты «Иван Брут» и «В тиши расцветший василек». Стоит отметить, что именно со «смерти» «Василька» начинается «карьера» Ивана Брута как фельетониста «Сибирской газеты», хотя с точки зрения хронологии появление на страницах «Сибирской газеты» (далее СГ) Ивана Брута не следовало сразу за «уходом» «Василька». Образы разделял цикл фельетониста Фомы «Письма с ярмарки», вышедший в 1882 г.: «Перед праздниками» – последний фельетон, который был подписан «В тиши расцветший василек» (СГ. 1882. № 51); «Письма с ярмарки» – фельетон, подписанный «Фома» (СГ. 1882. № 52); «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)» – фельетон, подписанный «Иван Брут» (СГ. 1883. № 1).

В самих произведениях Ивана Брута можно было увидеть многочисленные отсылки к «Васильку». Так, уже в первом фельетоне Ивана Брута «С новым годом (Новогодняя сказка вместо фельетона)» (СГ. 1883 № 1) следовало объяснение, что случилось с «Васильком»: «... в декабре прошлого года холода усилились до того, что однажды заморозили “василек” до самого корня, а в другой раз – наполовину... Выводя из этого, что температура настоящего времени вовсе не благоприятствует культуре цветов, редакция с прискорбием прекратила свои занятия цветоводством и с настоящего № поручила ведение постоянного фельетона г. Ивану Бруту».

Несмотря на то что «Василька» и Брута отделял друг от друга Фома, именно «Василька» Волховский выбрал как предшественника, в том числе противопоставляя рассказчиков друг другу. Сразу же в фигуре фельетониста было видно кар-

динальное отличие от «Василька» – Иван Брут более прямой, в отличие от поэта-предшественника, в большей степени принадлежит к народу, во благо которого и пишет свои фельетоны. Часто непосредственно в текстах фельетона можно было встретить прямые высказывания и обращения, которые подчеркивали народническую позицию Ф. В. Волховского – и Ивана Брута: «Дело в том, что я человек несколько старозаветный; в том смысле, по крайней мере, что все наиболее популярные современные занятия и искусства мне чужды: по интендантству не служу и не служил; ни скопинскому банку, ни банкирской конторе Мантке, ни иному какому учреждению этого рода причастен не был; выемок, выдворений, препровождений и водворений не производил; сока из фабричных, приисковых и иных рабочих не выжимал; во “Святая святых” “по обязанностям службы” не лазил и там не пакостил» (СГ. 1883. № 1). Здесь же автор подчеркивал принадлежность к русскому народу: «живу в медвежьем углу на дальней заимке», «все работы справляю сам с членами семьи либо с принятыми в долю людьми».

Первый фельетон Ивана Брута начинался с характеристики образа фельетониста, который сразу же считал необходимым «отрекомендоваться», т. е. представиться читателям. Иван Брут рассказывал, что он произошел от Ничипора Брута, внука Тараса Брута, который был братом героя Гоголевского «Вия» Хома Брута. Иван Брут рассказывает, что Ничипор Брут «был сподвижником Максима Зализняка и грозой всех тогдашних привилегированных панов, угнетателей чужой воли, утеснителей совести...» (СГ. 1883. № 1). Когда Максим был сослан в Сибирь, Ничипор пошел за ним, где и умер, но «успел оставить по себе в этой стране потомство, от которого и произошел ваш покорный слуга». Сама «рекомендация» является отсылкой к гоголевским произведениям и задает тон дальнейшему фельетону, который будет представлять собой фантазмагорию: «Не испугайся Хома чертовщины – и чертовщина не одолела бы его. Это верно. Да вот, я живой тому пример...» (СГ. 1883. № 1).

Вероятно, что Волховский сделал такое введение в биографию, чтобы подчеркнуть ряд важных для него моментов – автор, таким образом, попытался связать образ Ивана Брута с революционной традицией, обозначить его «сибирскую привязку» и демократическую платформу.

Стоит отметить, что «биография» фельетониста и отсылки к творчеству Н. В. Гоголя гармонично смотрелись в канве развития фельетонов Ф. В. Волховского. Все предшествующие фельетоны автора были глубоко поэтичными и гротескными, но в фельетонах Ивана Брута возникает практически гоголевский мир, полный абсурда и «смеха сквозь слезы».

Еще один прием Волховского-фельетониста – два измерения фельетона, мир реальный и мир фантастический, в который герой переходит, «закрывая глаза» или же засыпая, – был использован и в первом фельетоне Ивана Брута. Отправляясь на охоту, герой попал в буран, где в дальнейшем увидел «всю Сибирь» и образ «величественной женщины поразительной красоты», которую осаждают «целые легионы отвратительной, жадной нечисти».

В конце фельетона Иван Брут вспоминал свое детство, подчеркивал «народное происхождение» легенды о переходе зла из одного года в другой: «...тут вдруг осветило воспоминание о слышанном еще в детстве от старушки няни рассказ о том, будто ежегодно, в полночь на 1-е января, все зло, накопившееся в прошедшем году стремится в полном своем составе перейти в новый год; но накопившее-

ся добро служит ему препятствием: стремления зла только тогда могут осуществиться вполне, когда на каждую единицу добра приходится “число зверино” зла! Если же не хватает хотя бы одной единицы, то зло переходит границу лет лишь частью» (СГ. 1883. № 1). И дальнейшее развитие сюжета фельетона свидетельствовало о том, что Иван Брут – в отличие от «Василька» – был готов бороться со злом, которое пыталось его склонить в свою сторону. В момент, когда злу не хватало всего одной души, чтобы перейти в новый год «в полном составе», Иван Брут выхватывал нож, показывая готовность сражаться, – в то время как «василек» погиб без боя от заморозка.

Псевдонимом Иван Брут в 1883 г. был подписан не только фельетон «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)», но и целый цикл фельетонов «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». Цикл публиковался на протяжении всего 1883 г. и стал одним из самых больших циклов Ф. В. Волховского (13 из 22 фельетонов Ивана Брута). Позже Волховский замкнул его в № 1 газеты за 1884 г. таким же сказочным фельетоном, как первый – «Ночь на Новый год (новогодний фантастический рассказ)».

Фельетоны-сказки были приурочены к новому году как к переходному времени в народном сознании. В этих фельетонах-сказках автор как бы подводил итог борьбе добра и зла, показывая, что победа добра далеко не всегда очевидна. В фельетоне «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)» Иван Брут видел образ нового года в старике, шаг которого рисует на земле новую дату – «1883» вместо «1882». А в «новогоднем фантастическом рассказе» «Ночь на Новый год» 1884 г. наступление нового времени олицетворяли часы, которые стоят на месте, не позволяя купцу, отвергнувшему новую жизнь, доброту в разных ее образах, перейти в 1884-й год.

В 1884 г. образ фельетониста Ивана Брута сменили «Я. Ачинский» (1883–1884), «Дядя Федул» (1883–1884), «Консерватор» (1883–1885) и «Простой смертный» (1884–1887). Но в последний год издания газеты, в 1888 г., Волховский вновь вернулся к Ивану Бруту.

Цикл «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» чаще всего представлял собой описание различных ситуаций, «человеческих документов» и размышлений, которые были встроены здесь в единую повествовательную канву. Объекты сатиры в фельетонах сужаются, но, тем не менее, всегда включены в метаобъекты, что отсылает к традициям «василька». Например, в первом фельетоне цикла метаобъектом сатиры являлся «господствующий принцип» – «всяк за себя, а Бог за всех». Фельетон иллюстрировал действие этого принципа, показывая его в сатирическом ключе.

Необходимо отметить, что в начале каждого фельетона цикла Волховский обозначал объекты сатиры списком. Так, во втором фельетоне цикла это были: «Наша теперешняя масленица. – Ее мефистофельская уравнительность. – Каторки и хлорал как ее конечные пункты. – Пестрота жизни, приводимая к одному знаменателю – блином – Грабитель-младенец – Грабитель и людоед законченный. – Мздоимец во цвете лет на путях священных...» (СГ. 1883. № 9).

«Скромные заметки о не всегда скромных предметах» можно отнести как к проблемным, так и к адресным фельетонам – часто скромные заметки отсылали к реальным именам и событиям, но всегда были включены в какую-то метапроблему, обозначенную фельетонистом.

В первом материале цикла (СГ. 1883. № 5) читатели знакомились с ключевым для фельетонов Ивана Брута персонажем – Михей Михеичем. Именно этот персонаж направлял автора на создание «скромных заметок»: Волховский описывал, как Иван Брут приехал к нему в гости, и хозяйка дома Анна Герасимова случайно отдала «бумажку» (фельетон) ямщикам на курево – фельетон являлся продолжением новогодней сказки. Иван Брут начал негодовать: «Одевать серьезную мысль в эзопово платье – нужно известное настроение, полет фантазии». Но Михей Михеич возражал рассказчику: «иная сибирская действительность фантастичнее выдумок самого необузданного воображения», – и впервые знакомил Ивана Брута со своими «человеческими документами».

«Скромные заметки о не всегда скромных предметах» – принципиально диалогичный цикл. Здесь действовали такие персонажи, как Михей Михеич, Тихон Модестович, его сын. Герои мира Ивана Брута постоянно спорят, высказывая диаметрально противоположные точки зрения. Михей Михеич – сибиряк, который прожил жизнь и делится своей «мудростью» с Иваном Брутом. Он словно выступает в роли уже постаревшего фельетониста, которой смотрит с недоумением на «фантазии» Ивана Брута и предлагает скопившийся у него материал. Так, в первом фельетоне цикла благодаря Михею Михеичу читатель знакомится с такими «сказками», как «Городской глава о трех зайцах», «О внесении “угощения” в городской бюджет». Ивану Бруту становится дурно от этих сказок, но Михей Михеич, смеясь, вручает ему «еще одно литературное произведение» – «Дуумвират бесстыдства или торжество ума над грубостью». В «литературном произведении» описывается, как перед выборами кандидаты в гласные Кадык и Соленый «хвастаются», кто из них хуже: «Дочитав последнее слово я отвернулся и плюнул».

Несмотря на впечатление, которое произвели «документы» Михея Михеича, в дальнейшем в цикле «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» Иван Брут будет следовать именно этим принципам, отойдя от сказочных традиций, собирая материал в реальной жизни. Так, во втором фельетоне цикла (СГ. 1883. № 9) разбираются «несколько примеров пестроты житейской», в третьем (СГ. 1883. № 12) фельетонист пытается понять, по какому «куму» звонит колокол.

Второй фельетон цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» был посвящен масленице, которая будет фигурировать и в другом фельетоне рассказчика, вышедшем уже в 1888 г. – «Пост и масленица» (СГ. 1888. № 20). В обоих фельетонах рассказчик затрагивает образ масленицы как роскоши с демократической позиции, приходя в итоге к выводу: «Пост и масленица распределяются между людьми вовсе не по времени, а по положению: одному круглый год пост, другому – масленица».

Ключевым для понимания образа фельетониста является четвертый фельетон цикла (СГ. 1883. № 16). Иван Брут вспоминает здесь Пасху, которая была у него в детстве, и сравнивает ощущение от «светлого праздника» с ощущением нынешним, когда «атмосферу светлого праздника вкусить уже не может». Фельетонист вспоминал «каменную церковь, полную света», и «скромного, белокурого батюшку». Фельетон вмещает в себя две истории – из прошлого, связанную со старичком декабристом, которого приняли в гости его родители, и отцом Повсекакнем, который «вломился в амбицию» и отказался пустить его к столу. Тогда все, даже придерживающиеся взглядов Повсекакия купец и заседатель, осудили поведение

дьячка. Несмотря на светлые воспоминания, фельетонист понимает, что обеспечены они детским «непониманием», и вернуть это непонимание снова он не желает. Подчеркивая свою позицию, Иван Брут характеризует следующим образом одного из гостей его родителей: «...этот в высшей степени приятный собеседник и душа компании в своем кругу, понимающий, что страдание за идею почтенно... моментально преобразается в самого заурядного куроцапа и зверя, как только попадает в чуждый ему мужичий, мещанский, вообще – серый круг».

Следующая история внутри фельетона уже происходит в реальном времени: к Ивану Бруту приходит тот самый белокурый батюшка, «теперь он уже древний старик со слезящимися глазами». Батюшка рассказывает фельетонисту историю о том, как доктор с патентом не мог сделать операцию купчихе, поскольку не умел, а доктор без патента, который мог бы ее сделать, – не получил разрешения на операцию. В итоге операцию сделал первый доктор под присмотром второго – но на них донес местный «блуститель».

Именно с этого фельетона Иван Брут начинает свою полемику с так называемыми «доносителями», затрагивая письмо-жалобу на корреспонденцию, пришедшее из Тюкалинска. В дальнейшем эта традиция перерастет в полноценный фельетон (СГ. 1883. № 23), где Иван Брут осуждает «возражение г. Голодникова, автора книги “Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири”», на отзыв корреспондента, указавшего на ошибки автора. Фельетонист в итоге свои размышления вкладывает в следующий тезис: «Всякое насилие над человеком обидно, оскорбительно: насилие же над его мыслью, над его словом едва ли не оскорбительнее всякого другого; ибо оно стремится лишить его человеческого образа, посягает на лучшие стороны его природы».

В «Скромных заметках о не всегда скромных предметах» (СГ. 1883. № 19) Иван Брут вводит следующий ключевой для понимания поэтики цикла образ «дешевки», которая «сильно вошла в нравы не одного Томска, а всей Сибири». Стоит отметить, что диалогичность фельетонов Ивана Брута распространяется не только на систему «персонаж – персонаж», но и на систему «фельетон – фельетон». Так, в материале автор сразу отсылает к предшествующему фельетону, где батюшка рассказал ему на примере купчихи и докторов, «как дешево ценится человеческая жизнь». Дешевка в фельетоне принимает несколько значений – это дешевые, часто испорченные товары, дешевизна человеческой жизни и дешевизна вкусов сибиряков. В качестве иллюстрации дешевизны человеческих жизней фельетонист приводит события, произошедшие в разных уголках Томской губернии: убийство вора, убийство поселенца в кабаке полуштофом, приглашение спившегося офицера на праздник, чтобы он «выплясывал» перед гостями.

В конце фельетона он приходит к следующим выводам: «люди ценятся у нас по их внешним принадлежностям, по их положению, деньгам, но никак не по степени их внутренней самостоятельности, честному трудолюбию». Размышления о «дешевизне вкусов» приводят Ивана Брута к мыслям про европейскую «подлинную» аристократию, которая сравнивается с аристократией сибирской, формула которой заключается в мундирах, фраках, денежной состоятельности и близости к власти.

Здесь же проявляется склонность автора к «сказочной» манере повествования: «Ах, господа, как было бы хорошо, если бы явился прирожденный предводитель всех этих Ванюшек на палочках, традиционный, сказочный Иванушка-дурачок,

собрал бы их в один отряд, протрубил бы им на игрушечной свистульке выступление и увел бы в какие-нибудь сказочные страны; а мы остались бы при одних истинных патриотах, достойных этого имени!» (СГ. 1883. № 19). Стоит отметить: несмотря на то, что «В тиши расцветший василек» «замерз», отсылки к нему проявляются в поэзии на страницах фельетонов по своей сути не поэтического Ивана Брута. Стихотворения позволяют Волховскому подвести итог высказанным мыслям. Этот фельетон, например, резюмирует строки: «А жизни, чести, убеждениям, / Цена в Сибири медный грош!..».

Один из главных персонажей, позволяющих раскрыться Ивану Бруту, кроме Михай Михайча, – Тихон Модестович, «старичок, живущий в семье на правах родного», который вместе с фельетонистом во время создания «скромных замечаний» проживает на его заимке, где «очень хорошо, особенно после томской пыли, едкой и назойливой, как атмосфера доноса». Появляется Тихон Модестович со своим 17-летним сыном Митей (СГ. 1883. № 28) – вместе с Иваном Брутом персонажи любят природой.

Автор почти сразу дал Тихону Модестовичу подробную характеристику: «Человек он российский и в Сибирь попал не по своей воле. В молодости он отличался особенно живым чувством справедливости, любовью к ближнему и страстным желанием положить предел неправде на любимой родине... Он жестоко пострадал за это... с годами стал каким-то, словно пришибленным; он не отваживался не только действовать смело, но даже думать». Стоит отметить, что этот фельетон является самым диалогичным и многоплановым в творчестве Волховского. Кроме Тихона, его сына, Михай Михайча, фельетонист напрямую обращается в диалог к читателям. Также здесь выделяются «документальные доказательства того, что может собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов Сибирская земля иметь» Михай Михайча, которые обсуждают другие персонажи. Кроме этого, в повествование вводятся воспоминания сына Тихона Модестовича, который принимает сторону фельетониста.

Фельетон начинается с высказывания Тихона Модестовича о бесполезности борьбы: «...С кем ссориться! Зачем бороться? Жил-был каждый так-то, и все... И все бы отлично! А то к чему: раздражение, драка; одни других донять хотят!». Иван Брут возражает на это высказывание: «Все бы это хорошо было... если бы предлагаемая вами политика безучастия действительно гарантировала хотя бы благополучие настоящей минуте...». Сторону Ивана Брута принимает в ходе общения и сын Тихона, Митя, который был как Тихон Модестович «в молодости». Митя рассказывает историю про ученика, на которого ложно донес за курение преподаватель, но ученик смог себя отстоять. Возразил на позицию Тихона Модестовича «никого не трогай и тебя никто не тронет» и Михай Михайч: «Ну, брат, Тихон, не угадал! То есть так слопают – в лучшем виде!» В качестве доказательств Михай привел свои «документы»: «Наилучший способ иметь дешевую и прибыльную прислугу» и «Не мытьем, так катанием (нравоучительный рассказ)». Тихон Модестович не смог возразить на эти рассказы и просто молчал.

В следующем ключевом появлении Тихон Модестович (СГ. 1883. № 39) критикует первый полностью адресный фельетон Ивана Брута (СГ. 1883. № 37). В первом адресном фельетоне рассказчик описал будни преподавателя Василия Петровича: «Преследуя задачи людоедства, хотя и бескровного, он всем надоел, снискал всеобщее отвращение, и хорошо знает это. Но с самоотвержением, дос-

тойным лучшей участи, педагогический мертвец готов это все вынести, лишь бы торжествовала мертвечина!»

В этом материале автор рассказал про требовательного к «чисто-формальной стороне знания» учителя, а фельетон в № 39 «Сибирской газеты» начал со «смирного» Тихона Модестовича, который будит Ивана Брута, чтобы выразить недовольство: «А зачем вы написали последний фельетон? Кто вас под руку толкал? а?». По словам Тихона Модестовича, фельетон побудил учителя остаться на месте: «зачем было трогать, когда человек и так готов был уйти?». На что Иван Брут ответил, что преподаватель был «важен и интересен лишь как носитель известных типичных черт». После конфликта Тихон Модестовича хотел было уйти из заимки Ивана Брута, но тот уговорил его остаться на определенных условиях: «...я оставлю этот разговор. Я и оставлю его – до следующего раза».

Финалом «скромных заметок» стал фельетон (СГ. 1883. № 45), где автор опять обращается к проблемам цензуры и неприятия корреспондентов: «Вот уж, поистине, “несть Еллин, ни Иудей”, который бы не принял участия в травле сибирского пишущего человека». Описывает же цикл фельетонов «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» «новогодняя сказка», с который начал 1884 г. Иван Брут – «Ночь на Новый год (новогодний фантастический рассказ)». Фельетон (Сибирская газета. 1884. № 1) как бы подытоживает мысли фельетониста, выраженные в «скромных заметках».

В фельетоне-сказке описывается «типичный сибиряк» Егор Попов: «...к шутке склонен мало, увлекался туго, выгоды своей не упускал и держался за нее цепко». От Нового года у сибиряка были свои ожидания: «Хоть бы в новом году что-нибудь новенькое... На иной бы манер жизнь сложилась...». В итоге каждый раз, когда стрелки показывали двенадцать, Новый Год не приходил, но вокруг героя происходили определенные события: избиваемый просил о помощи, приисковые рабочие – скидки на сруб, доставивший письмо с отказом сына от «грязных» денег отца рассуждал о ситуации, но Егор Попов сдал его за «вольнодумие», а другим так и не помог. После всех упущенных возможностей на вопрос «придет ли новый год» часы ответили: «не придет к тебе новый год, не придет! Не придет!». А рассказчик подвел итог, почему «типичные сибиряки» упускают свой новый год: «Новый год, какой ты призывал – с новым счастьем, – много раз приходил к тебе нынче, он являлся к тебе в виде мужика, просившего защиты, но ты отступился от него; он приходил к тебе в виде новосела, инородца и рабочего, но ты обошелся с ним по-старому и выгнал его; он посетил тебя в виде честной независимой мысли, но ты не вынес ее правды и сам знаешь, что сделал с нею...».

После фельетона в № 1 «Сибирской газеты» за 1883 г. Иван Брут как фельетонист уступил свое место более простым в плане образов и стилистических средств Я. Ачинскому, Консерватору и Простому смертному. Вновь «вернулся» Иван Брут на страницы «Сибирской газеты» только в 1888 г.

Стоит отметить, что с возвращением кардинально поменялись и образ рассказчика, и манера письма. Из близкого народу Ивана Брута, проживающего на заимке, новый Иван Брут превратился в более приземленный и менее романтический образ городского жителя, который переживает уже не только за «дешевизну человеческих жизней», но и за то, что на «дешевке» его женщины потратили «52 рубля 38 копеек!» (СГ. 1888. № 34). Уже после, погружаясь в сон, фельетонист начинает видеть, как продают за бесценок учителей, инородцев: «будто бы я при-

существовал при какой-то всесибирской дешевке, но совершенно особого рода, где идут за бесценок... мужичье благополучие, обывательское спокойствие и уважение к человеческой личности».

Фельетоны Волховского под псевдонимом «Иван Брут» в 1888 г. становятся более обезличенными – в них уже исчезают знакомые читателю герои прошлых фельетонов, в большей степени проявляются сатира, ирония и эзопов язык, при этом в них остается меньше места для рассуждений рассказчика. Этими фельетонами Волховский возвращается к началу своего творчества на страницах «Сибирской газеты» – гротескным и ироничным фельетонам «В тиши расцветшего василька». Так, во втором фельетоне за 1888 г. (СГ. 1888. № 9) «На арене прогресса» почти все зарисовки пропитаны иронией и гротеском: «Соответственно тому, как хлеб, керосин и спички будут дорожать, человеческая изобретательность будет все более и более изощряться по пути отлучения людей от пищи, от освещения».

Аналогичную ситуацию можно увидеть и в фельетоне «В области спиритизма» (СГ. 1888. № 15): «Донос был написан после смерти Шмулевича... [«русский патриот», якобы подписавший донос,] был не грамотен. Хотя после смерти ему достаточно было одного месяца – чтобы выучиться ей [грамоте]!». Стоит отметить, что в этих сегментированных пунктами фельетонах – каждая новая «иллюстрация» отделена латинской цифрой – почти отсутствуют фельетонист и какие-либо авторские рассуждения. Несмотря на обезличенность фельетонов, определенные темы постоянно отсылают к прошлому творчеству Ивана Брута – все те же образы «дешевки», масленицы, нового года как переходного времени. Но и эти знакомые читателям темы фельетонист освещает иначе, пронизывая их ироническим началом: «Как ни плохо мы живем, но все-же лучше наших предков. Вот недавно петербургский профессор г. Сергеевский выпустил книгу “Наказание в русском праве XVIII века”» (СГ. 1888. № 20).

В последнем фельетоне Волховского (СГ. 1888. № 38) вновь всплывают отсылки к биографии героя, но все равно ощущается, что это уже не тот человек: рассуждая о начальстве, он обращается к сугубо городскому образу – горничной в гостинице и тому, как она терпит унижения от всех гостей. В собственных воспоминаниях фельетонист все больше отдаляется от изначального вектора развития персонажа: выясняется, что Иван Брут был частным учителем в Чите, а после работал в больнице. Лишь сухая врезка ближе к концу материала отсылает к фельетонам 1883 г. – «происхожу от запорожских казаков».

Стоит обратить специальное внимание на новогодний фельетон Волховского в 1888 г. (СГ. 1888. № 1). Первый фельетон за 1888 г. затрагивает традиционную в творчестве фельетониста тему нового года. «Маскарад» полностью созвучен с первым фельетоном «С новым годом (Новогодняя сказка вместо фельетона)», изданным под псевдонимом «Иван Брут»: переход старого в новое, старый Новый Год, как старик, шагающий по лесу, а теперь по залу; «нечисть», которая теперь представлена масками, и все тот же образ прекрасной Сибири. Поменялись лишь сам фельетонист и его видение ситуации, а действие из леса перенеслось на городской праздник.

Перекличка между этими материалами есть и в некоторых фразах фельетониста: «Это был, поистине, самый необыкновенный маскарад, какой я когда-либо видел. Я даже не решусь утверждать, что он точно был, а не почудился мне»,

«мне казалось, что я окидываю взглядом целую Сибирь...» (1888 г.) (ср.: «Мне казалось, как будто вся Сибирь лежит перед моими глазами...» – 1883 г.). Нечисть в «Маскараде» из первого фельетона Ивана Брута стала масками (шуты, бутылки в человеческий рост, свиньи, цепные псы, лисицы, щелкавшие зубами алчные волки, денежные мешки), за которыми скрывались обычные люди с добрыми устремлениями. Добрая волшебница из первого фельетона Брута уже не была терзаема нечистью, а помогла фельетонисту увидеть за масками людей: так, Иван Брут выясняет, что один из гостей помог приюту, а другие лица, оказывается, не лишены человеческой красоты. Позже про волшебницу фельетонист скажет, как бы рефлексировав над образом, созданным в первом фельетоне: «Если бы я хотел нарисовать Воинствующую любовь к человечеству, я представлял бы ее именно таким образом».

Старый год в фельетоне снова предстает в образе старика, но на руках у него уже был младенец, год новый. Старик ходит между масками и просит подаяния, но в мешок ему кидают лишь мусор. Уже после еще молодой новый год спросит: «Как же я буду это дарить? Смотри, сколько тут всякой дряни!». На что старый год ответит: «ты можешь дарить людям только то, что есть в этой суме...». Подводя итог, Иван Брут ставит риторический вопрос, оставляя в себе, в отличие от фельетона-предтечи, веру в людей: «Зачем, о зачем все эти люди выбивались из сил, чтобы быть хуже того, чем они могли бы быть? Ведь я ясно видел, что они на самом деле гораздо лучше того, чем они выглядели. Зачем же они не давали хода, прятали, убивали в себе лучшие стороны? К чему, зачем этот ненужный, недостойный маскарад?..».

Волховский, вероятно, предчувствовал скорое закрытие «Сибирской газеты» и оставлял в «Маскараде» читателю веру в людей. Неспроста видим мы и возвращение спустя пять лет к обновленному, но все-таки тому же полюбившемуся аудитории фельетонисту.

Иван Брут был, пожалуй, самым ярким персонажем в художественно-публицистической истории первой частной газеты Западной Сибири. Это единственный полноценный и продуманный образ фельетониста – со своей родословной, биографией и позицией, по многим вопросам (из-за намеренной «демократичности» образа) отличной от авторской. Иван Брут, таким образом, становится не просто псевдонимом, а полноценным соавтором, который постоянно отсылает читателя к одним и тем же художественным образам и мыслям. Несмотря на схожую с авторской народническую позицию, Иван Брут смог «отделиться» от его личности и стать отдельной фигурой и полноценным членом редакции. Уникальность образа подтверждается и тем, что «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» являются единственным в работе Волховского как журналиста циклом, объединившим его сочинения не на основе места действия или схожести описываемых проблем, а выстроенным вокруг персонажей.

Традиция создания «литературных масок» фельетонистов была продолжена в томской газете «Сибирская жизнь» (1894–1919), которая в какой-то степени явилась «наследницей» «Сибирской газеты». Этот прием расширял сатирические возможности фельетонистов, позволял вовлекать читателей в литературную игру и тем самым увеличивал интерес к общественным проблемам, которые обсуждались в фельетонах. Созданный Волховским образ Ивана Брута в этом отношении

Мазуров А. Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете»

оказался своеобразным «ориентиром» для всех последующих поколений томских фельетонистов XIX – начала XX в.

Список литературы

Доманский В. А. Ф. В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 147–167.

Жилякова Н. В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888 гг.) как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 270 с.

Рощевская Л. П. Ф. В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Науч. тр. Тюмен. гос. ун-та. 1975. № 14. С. 84–95.

References

Domansky V. A. F. V. Volkovsky – neglasny redaktor “Sibirskoy gazety”. In: *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk, Vodoley Publ., 1996, p. 147–167. (in Russ.)

Roshevskaya L. P. F. V. Volhovsky – sotrudnik “Sibirskoy gazety”. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Questions of history and theory of literature. Scientific works of Tyumen State University], 1975, no. 14, p. 84–95. (in Russ.)

Zhilyakova N. V. “Sibirskaya gazeta” (g. Tomsk, 1881–1888 gg.) kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“Siberian newspaper” (Tomsk, 1881–1888.) as a Phenomenon of Literary Regionalism]. *Cand. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 2002, 270 p.* (in Russ.)

Сведения об авторе

Мазуров Александр Евгеньевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия)
rumatamonteg@gmail.com

Information about the Author

Alexander E. Mazurov – Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
rumatamonteg@gmail.com

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2